

**Футурология средневековой монголии: проблема предвидения будущего в
«Монголын нууц товчоо»**

А.И.Тугутов

Будущее и политика

Тема предвидения будущего - одна из самых интересных в «Сокровенном сказании монголов» («Монголын нууц товчоо», МНТ).

Человеку вообще свойственно желание заглянуть в будущее, узнать, что оно готовит для него и с этим знанием попытаться как-то воздействовать на ход событий в надежде на благоприятный их исход для себя. Тем более это важно было персонажам «Монголын нууц товчоо», которые жили на таком историческом отрезке, когда судьбы людей, племен, народов круто менялись, в одночасье вознося вверх одних, повергая ниц других. Ценой успеха или неудачи часто служила человеческая жизнь, а то и существование больших человеческих сообществ - родов, племен и государств, или какие-то перемены в их положении, порой весьма существенные.

Ситуация менялась с калейдоскопической быстротой и пестротой. Вчерашние враги превращались в союзников, а потом вновь соперничали друг с другом. Побратимы и родственники вдруг начинали сражаться друг против друга с невиданным ожесточением. К старым счетам - мести за отцов и предков - добавлялись новые обиды и политические амбиции. Однако не всегда можно было руководствоваться только личными мотивами. Общие интересы и сложные варианты политической интриги заставляли задумываться о том, какие действия предпринять сегодня, чтобы не проиграть завтра. На прагматические расчеты накладывались национальные или родоплеменные культурные, мировоззренческие, религиозные традиции и представления.

Подспудной или непосредственной причиной всех столкновений интересов, выгод и обид было стремление к власти. Претендентов на первенство было много, тем более что, при затянувшейся междоусобице и войне всех против всех мысль о верховной власти, которая должна положить конец распрям, выглядела достаточно привлекательной в глазах многих людей. Но выбор достойного претендента затруднялся самой обстановкой

военно-политической нестабильности в разъединенной, разноплеменной Монголии второй половины XII века. Эта ситуация как нельзя лучше подходила для всякого рода пророчеств и предположений относительно будущего развития событий.

Психологическую атмосферу ожидания: как же развяжутся тревожные загадки сегодняшнего дня, - хорошо показывает «Сборник летописей» Рашид-ад-Дина. В нижеприводимом фрагменте он передает манеру речи анонимного монгольского старца, к имени которого, возможно, прибавлялось слово *сэчэн* (*сэцэн*), то есть *мудрый* человек, к мнению которого прислушиваются. Здесь это определение не приводится, скорее всего, по причине анонимности старца.

В речи мудрого старца одновременно присутствуют тональность пророчества и стилистика политологического анализа и прогноза, не хватает лишь привычного для современной публичной политологии телевизионного экрана. В те времена, надо полагать, актуальные политические вопросы тоже обсуждались как приватно, так и публично. Цитируемое ниже суждение средневекового монгольского сэчэна, можно предположить, активно передавалось из уст в уста и, вероятно, записывалось. Недаром спустя десятилетия оно дошло до Персии.

Не случайно Рашид-ад-дин отмечает, что оно составлено «рифмованной иносказательной прозой», что, правда, не заметно в академическом переводе О.И. Смирновой. По нашим наблюдениям на материале «Нууц товчоо», в культуре устной традиции прозаический текст рифмовался, в том числе, в целях мнемоники, для того, чтобы высказывание лучше запоминалось. Наиболее очевидный случай - посольские послания, в которых рифмы, говоря терминами теории коммуникаций, повышали «помехоустойчивость», т.е. способствовали аутентичной передаче текста. Думается, что и значимые политические высказывания тоже могли рифмоваться в тех же целях, а также для широкой ретрансляции в обществе.

Приводим фрагмент из «Сборника летописей»: «В то время существовал некий мудрый и пронизательный старец из племени баяут. Он сказал: “Сэчэ-бэки из племени кият-юркан стремится к царствованию, но не его [это] дело. Джамухе-сэсэну, который постоянно сталкивает друг с другом людей и пускается в различного рода ухищрения для того, чтобы продвинуть [свое] дело вперед, [это] также не удастся. Джочи-Бара, - т.е. Джочи-Касар, брат Чингисхана, - тоже имеет такое же стремление. Он рассчитывает на свою силу и искусство метать стрелы. Но ему [это] также не удастся. У Алак-Удура из племени меркит, имеющего стремления к власти и проявившего известную силу и величие, также ничего не получится. Этот же Тэмуджин, - т.е. Чингисхан, - обладает внешностью, повадкой и умением, [нужными] для того, чтобы главенствовать и царствовать, и он, несомненно, достигнет царственного положения”. Эти речи он говорил, согласно монгольскому обычаю, рифмованной иносказательной прозой. В конце концов, случилось так, как он сказал:

Чингисхан стал государем...»¹

Можно допустить здесь пристрастное отношение к Чингис-хану, что-то вроде политической пропаганды в его пользу. Вместе с тем, этот отрывок показывает, что в умах современников Тэмуджин-Чингис-хан фигурировал в качестве вероятного претендента на власть, наделенного как соответствующими личными достоинствами, так и генеалогическими правами и на нее.

«Сокровенное сказание», главным героем которого является Чингис-хан, рассказывает о его правах на верховную власть и драматическом пути восхождения к ней. Повествование стягивает к этой фигуре большинство сюжетов, связывая с его судьбой исторические судьбы его рода, союзных ему племен и народов, а потом и громадного конгломерата народов и государств, образовавших мировую империю монголов. События в жизни Чингис-хана отзываются последствиями глобального масштаба. Это символически выражено в идее *Небесного избранничества* (Тэнгэрийн заяа) Чингис-хана, составляющей основной пафос произведения. Идея *Тэнгэрийн заяа* служит главным доказательством его прав на власть, придавая, кроме политической, и сакральную значимость его фигуре. Здесь надо отметить, что сакральный аспект предстает одним из важнейших факторов, которые учитываются в средневековой футурологии.

Однако, согласно МНТ, при всей своей связанности с Небом, Чингис-хан, подобно большинству людей, не может заглянуть в будущее, хотя правильно понимает Небесные знаки, как это происходит в сцене, когда он в юности прятался в лесу от тайчуудов. Дважды он пытался выйти из леса, но каждый раз ему что-то мешало. В первый раз беспричинно оборвалась подпруга и нагрудной ремень лошади. Во второй - он наткнулся на загородивший выход громадный, размером с юрту, белый валун. И всякий раз Тэмуджин думает: «*Не Небо ли меня увещевает?*» и хоронится еще три дня [МНТ, § 80]

Чингис-хан высоко ценит в людях способность предвидеть будущее или, тем более, как-то воздействовать на будущие события, и прибегает к помощи таких людей.

Ввиду значимости фигуры Чингис-хана, правильные предсказания относительно его судьбы приобретают характер пророчества и вознаграждаются как государственное деяние. Главной темой футурологии с древнейших времен являлась будущность общества и жизни людей. Поскольку Чингис-хан стал одним из творцов истории своей эпохи, оказавшись в фокусе событий, решавших будущее центрально-азиатских и даже значительного числа евразийских обществ, его жизнь и деятельность закономерно выдвигается в центр монгольской футурологии XII-XIII вв.

¹ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. - М.; Л. 1952. - Т. I, кн. 1. - С. 119.

*Здесь и далее, перевод на русский язык наш. Мы опираемся в основном на издания текста «Сокровенного сказания» на современном монгольском языке Д. Цэрэнсоднома (Д *Цэрэнсодном*. Монголын нууц товчоо. Эрдэм шинжилгээний орчуулга, тайлбар. Улаанбаатар, 2000) (далее - Цэрэнсодном) и транслитерацию Т. Дашцэдэна (Монголын нууц товчоо. Галиглаж хэвлүүлсан Т. Дашцэдэн. Улаанбаатар, 1985) (далее - Дашцэдэн). Некоторые другие переводы на монгольский и европейские языки и транслитерации приводятся далее в сносках. Поскольку лучшие переводы на современные языки и транслитерации в основном сходны между собой, мы не указываем, за исключением мест со спорным толкованием, свой источник для перевода, а ссылаемся только на параграф МНТ.

Мы увидим в дальнейшем, что предвидение будущего не обязательно связано с внушением Небесного духа - Тэнгэрийн заарина - или со способностью ясновидения. Правильный прогноз на основе здравого смысла или интеллектуального анализа, подобно суждению рашид-ад-диновского «мудрого и проникательного старца», может оказаться не менее судьбоносным в мире МНТ, являясь подлинным выражением футурологического предвидения.

В поисках причинно-следственных закономерностей проще всего было следовать движению времени. Настоящее вытекает из прошлого и в том же настоящем можно узнать о будущем. Все имеет свою причину. Даже чудесное вплетено в ход взаимообусловленных событий. Времена не разорваны. Эта связь времен наглядно представлена в эпизоде беседы матушки Алан-гуа (Алан-гуа эх) с сыновьями: *«Бэлгунутэй и Бугнутэй, дети мои. Вы говорите обо мне: “Вот родила этих трех сыновей”. Предайтесь подозрениям, мол, чьи, от кого они? Вы вправе сомневаться. [Так слушайте же].*

Каждую ночь через дымовое отверстие, испуская свет, спускался в юрту светло-желтый человек. Он гладил мой живот, и свет его проникал в мое чрево. И в момент, когда восходящее солнце вот-вот должно было сменить луну, он исчезал, извиваясь, как желтая собака. Так что ваша болтовня - вздор. Ведь с самого начала был знак, что они — небесные дети. В пересудах своих вы сходитесь с простолюдинами. Зачем же так? Чернь тогда лишь все уразумевает, когда [братья ваши] станут всеобщими ханами» (МНТ, §21).

Разговор матушки Алан-гуа с сыновьями состоялся за 12 поколений до Чингис-хана. Ее пророчества сбылись: общемонгольскими ханами стали прадед Чингис-хана - Хабул-хан и другой его родственник - Амбагай-хан. Главное же подтверждение провидения Алан-гуа получает в судьбе Чингис-хана. «Небесная судьба» Чингис-хана связывает его через века с «небесными детьми» матушки Алан-гуа.

Предсказание Алан-гуа стоит несколько особняком в ряду других пророчеств МНТ, в которых будущее предсказывается в вещем сне или через Небесное знамение (тэнгэрийн заарин). Алан-гуа уверенно предрекает будущее, потому знает тайну прошлого, родив «небесных детей». Она - сотворец небесной тайны, персонаж мифологического сюжета, в то время как практически все остальные герои - персонажи исторического или историко-художественного повествования, основанного на реальных биографических данных из жизни современников.

Образ Чингис-хана мифологизируется настойчивым подчеркиванием *Небесной предопределенности* его судьбы, но это затрагивает лишь общую, генеральную ее направленность, в то время как реальные подробности его жизни лишены чудесных свойств. И для него, как для всякого другого человека, будущее окутано завесой тайны.

Однако, согласно философии МНТ, человек - не пассивный объект судьбы или рока. Не все предопределено прошлым. Человеку под силу повернуть ход событий, чтобы добиться благоприятного будущего. Даже пророчества, видимо, не могут исполниться сами по себе, без борьбы, без приложения человеком усилий. *Небесный знак* подается как бы для информации персонажей, сообщая им в такой форме волю Вечного Синего Неба. Само же Небо не вмешивается непосредственно в ход событий. Вечное Небо обращается к сознанию человека, но не манипулирует им самим, его поступками. В конечном итоге человек свободен в своем выборе. Осведомленный о *небесном предопределении* человек, в данном случае Чингис-хан, руководствуясь данным знанием, сам прилагает усилия ради исполнения его.

Иначе говоря, в МНТ реализуется религиозный, но не магический подход по отношению к будущему или, точнее, к прорицанию будущего. Для монотеистических религий, в частности, для христианства, в силу концепции всемогущества Творца, недопустимыми являются попытки человека магическим способом воздействовать на события будущего. Допустимы лишь молитвенные обращения к Всевышнему, но отнюдь не манипулирование его волей с помощью тех или иных, в том числе магических методов. С этой точки зрения концепция прорицания в «Сокровенном сказании» ближе к принципам монотеистических религий, чем политеистических.

Кратко коснемся проблемы шаманизма в тексте МНТ. За исключением эпизода болезни Угэдэй-хана [МНТ, § 272] во время похода на Китай, отсутствуют упоминания об использовании шаманской практики для прорицаний. Довольно распространенная аттестация исследователями в качестве шаманов таких персонажей, как Тэб-Тэнгри или Хорчи, не подкрепляется доказательствами из текста МНТ, а основывается, вероятно, на априорных представлениях о том, что религиозная практика средневековых монголов сводилась к шаманизму. Для таких выводов, повторяем, текст «Сокровенного сказания» не дает оснований. Даже в эпизоде с Угэдэй-ханом шаманов привлекают, скорее всего, по их основной «специализации» - для лечения болезни. Гаданием, фактически диагностикой тяжелого недуга, внезапно поразившего хана, они занимаются вместе с прорицателями: *«[устроили] гадания шаманов и предсказателей»*² Они же, шаманы, проводят магический обряд искупительной жертвы младшего сына Чингис-хана, Толуя, на которую тот идет ради спасения жизни своего царственного брата, Угэдэй-хана.

Чудесные предсказания

Рассмотрим чудесные предсказания. Они происходят в форме вещего сна или откровения от Небесного Духа - *заарина*.

Вещий сон Дай-сэцэна, будущего теста Тэмуджина-Чингисхана, -второе, вслед за рассказом Алан-Гуа, пророчество в тексте МНТ, предсказывает 12-летнему подростку будущее владычество над миром: *«Сват Есугэй, в эту ночь мне приснился сон. Подлетает ко мне белый сокол, зажав в когтях солнце и луну, и садится на мою руку. Я рассказываю людям про сон свой: [все мы] видим, мол, солнце и луну. Но в этом [сне] моем подлетел сокол, держа их [в когтях], и уселся мне на руку. Белый [свет] низошел. Говорил я: что-то хорошее должно случится. Вот мой сон и предвещал, что прибудешь ты, сват Есугэй со своим сыном. Хороший мне сон приснился! Да и сон ли это? Это ваш, хиадцее, родовой символ являлся, извещая о вас!»* [МНТ, § 63; Цэрэнсодном, с. 49; Дашцэдэн, с. 24].

Строго говоря, предзнаменование относится к обоим хиадцам, отцу и сыну, но само движение сюжета недвусмысленно указывает на того, о ком идет речь. Постепенно как бы уточняется Небесный выбор: сначала говорится о «небесных детях», которые, согласно Рашид-ад-Дину, дали начало «племенам нирун»: *«Среди монголов этим племенам полное уважение»*.³ Сон Дай-сэцэна локализует выбор родом хиадцев, а предсказание Хорчи укажет конкретно уже на Тэмуджина-Чингис-хана.

² Д. Цэрэнсодном. Указ. соч., с. 181.

³ Рашид-ад-Дин. Указ. соч., т. I, кн. 2, с. 15.

Сон Дай-сэцэна, как одно из узловых мест МНТ, привлекало и продолжает привлекать внимание исследователей. В частности, существуют разные переводы и интерпретации образа сокола. Особенно много разночтений в толковании оборота, относящегося к тому, как сокол садится на руку Дай-сэцэна. Мы следуем за Д. Цэрэнсодном, который представляет это место так: «[Харин] одоо энэ [зүдэнд] шонхор атган авчирч гар дээр минь суув. Цагаан [гэрэл] буува».⁴ Напомним наш вариант перевода: «Но в этом [сне] моем подлетел сокол, держа их [в когтях], и уселся мне на руку. Белый [свет] низошел». Самое сложное место для перевода - короткое последнее предложение; «Белый [свет] низошел» - Ч/ 4 «Цагаан [гэрэл] буува» - в транскрипции Т. Дашцэдэна: Сауан бауба.⁵

Практически буквально воспроизводит оригинал [Ф.В. Кливз: “It is descended[all] white”⁶ («Он опустился [весь] белый»)]. Близко к этому, сохраняя лапидарность и внешнюю безыскусность фразы, переводят этот отрывок Э. Хэниш,⁷ П. Поуха,⁸ и И. де Рахевильц.⁹ Некоторые переводчики не удовлетворяются прямой передачей этой короткой фразы, смысл которой, надо сказать, не вполне ясен даже в контексте, вызывая соблазн или необходимость уточнить его. Д. Цэдэв в своем обзоре передачи рассматриваемой фразы разными исследователями сводит их к пяти основным типам: 1. Цагаан [шонхор] буув (Опустился белый [сокол]); 2. [Сайн бэлгэ тэмдэг] буув ([Хорошее предзнаменование] явилось); 3) Цагаан [гэрэл] буув (Белый [свет] низошел); 4. Цагаан [төлөг] таеив (Доброе [предсказание] дал); 5. [Мэрэг төлөг] цайв ([Гадание] «посветлело»)).¹⁰

Автор последней версии, Ш. Гаадамба, предлагает, наверное, самое оригинальное и, надо сказать, весьма изощренное толкование, вспоминая термин из практики монгольских гаданий - «шоо нь цайх» - «хребий светлеет». Оказывается, это выражение означает ситуацию, когда самый благоприятный вариант гадания, на самом деле может означать прямо противоположное - дурное предзнаменование. Поэтому, согласно Ш. Гаадамбе, Дай-сэцэн, не зная как толковать сон, в хорошем или в плохом смысле, и обращается к людям за советом.¹¹

Практически все варианты, за исключением версии Ш. Гаадамбы, находятся в общем многозначном семантическом поле. Все они выделяют значимость белого цвета как знака благоприятствования и связи с Небом. Здесь белый цвет, как и светло-желтый колор в рассказе Алан-гуа о своем чудесном зачатъе, атрибуты солярной символики. Таким образом, солярный мотив играет значительную роль в футурологической символике МНТ.

⁴ Д. Цэрэнсодном. Указ. соч., с. 40.

⁵ Монголын нууц товчоо. Галиглаж хэвлүүлсэн Т. Дашцэдэн, с. 24.

⁶ F.W. Cleaves. The Secret History of the Mongols. Vol. I (Translation). - Harvard, 1982. - С. 15.

⁷ E. Haenisch. Die geheime Geschichte der Mongolen. Zweite verbesserte Auflage. - Leipzig, 1948. - С. 10.

⁸ P. Poucha. Taina kronika Mongolu. - Praha, 1955. - С. 22.

⁹ I. de Rachewiltz. The Secret History of the Mongols. // Papers on Far Eastern History. - Canberra: The Australian National University. September, 1971. - № 4. - P. 130.

¹⁰ Д. Цэдэв. «Монголын нууц товчоо»-ны бэлгэдэл зүй. - Улаанбаатар. 2002. - С. 141.

¹¹ Mongyol-un nigуса товчиан (Монголын нууц товчоо). Худам монгол бичгээр сийрүүлсэн Ш. Гаадамба. - Улаанбаатар, 1990. - С. 254.

Чудесные предсказания, при их значимости в содержании «Сокровенного сказания», не самоцельны. Они погружены в ткань повествования, сюжетно и психологически связываясь с другими темами и событиями и особо не выделяясь среди них. Они как бы обычный элемент истории и реальной жизни персонажей. И герои, сталкиваясь с ними, ведут себя сообразно своему характеру. Иначе говоря, чудесные предсказания являются одним из многих элементов сюжета, вносящими свою лепту в содержание произведения и в характеристику его персонажей, которые воспринимаются читателями как исторические деятели ввиду преобладания историко-хроникального начала в жанровой структуре «Монголын нууц товчоо».

Тон рассказа Дай-сэцэна выказывает его радость от встречи с Есугэй-багатуром, развеявшей его недоумение: *«Да и сон ли это! Это ваш хиадцев родовой сиеол являлся, изеющая о вас!»* Отчетливо передается облегчение человека, наконец-то избавившегося от мучившей его загадки. Ведь до этого Дай-сэцэну даже пришлось, рискуя своей репутацией сэцэна-мудреца, обратиться за советом к людям.

Ввиду распространенности сюжетов вещих снов в фольклоре и литературе, обратимся к наиболее близким, на наш взгляд, примерам. Так, подобно Дай-сэцэну, с просьбой растолковать свой сон обращается к народу Джакып - персонаж киргизского эпоса «Манас». Причем, сходный сон, согласно эпической традиции редупликации мотива, привиделся Бакдөөлёт, второй жене Джакыпа. Обоим, как Дай-сэцэну, снятся птицы. Джакыпу - сказочная птица Буудайык и белый кречет с пестрой шеей, а Бакдөөлёт — два ястреба-тетеревятника. Каждый из них в своем сновидении привязывает птиц к насесту. Еще более странное видение посещает первую жену Джакыпа - Чыйырды, которую во сне старец угощает яблоком, и у нее рождается гигантский дракон. Совпадение такого количества необычных снов заставляет Джакыпа устроить пир с жертвоприношением, раздачей милостыни вдовам и сиротам, подарков - родственникам. Согласно толкованию мудреца Байджигита, пророческие сны предвещают бездетному, немолодому уже Джакыпу рождение сына-богатыря. Впоследствии эти пророчества сбываются: рождается будущий богатырь Манас.¹²

Птицы - как предзнаменования во сне - достаточно распространенный и, вероятно, древний мотив. Для монголо-тюрского мифо-эпического ареала хищные птицы либо означают родоплеменной тотем, либо, дополнительно, через солярную символику, связаны с идеей могущества и власти. В приведенных выше примерах, скорее всего, содержатся оба эти образа.

Типология такого рода пророческого сна с птицами очевидно обнаруживается в более ранней фиксации мотива Геродотом. Персидскому царю Киру приснился один из сыновей Гистаспа *«с крыльями на плечах, осеняющим одиши крылом Азию, а другим Европу [...] Царь решил, что сон имеет важное значение. Он велел затем позвать Гистаспа и без свидетелей сказал ему: «Гистасп! Сын твой уличен в кознях против меня и моей державы. Мне это точно известно, и я скажу тебе, откуда. Боги пекутся обо мне и заранее открывают мне грозящую беду. И вот теперь прошлой ночью я видел во сне старшего из твоих сыновей с крыльями на плечах, причем, одиши крылом он осенил Азию, а другим*

¹² См.: Манас. Киргизский героический эпос. - Кн. 1. - М., 1984. (Сер. «Эпос народов СССР).

*Европу. Во всяком случае, из моего сновидения совершенно ясно, что твой сын посягает на мою жизнь. Поэтому возвращайся как можно скорее в Персию и позаботься представить твоего сына к ответу, после того как я покорою эту страну и возвращусь домой».*¹³

Здесь представлен весь набор мотивов рассматриваемой нами темы. Прежде всего, выделяется образ птицы, в данном случае, представленный семантически более очевидно как человек, осененный крыльями. Действительно, в мифах данного ряда используются не сами птицы как таковые, а в качестве символа соотносительности человека с вселенной. Совпадает и космоизм масштаба: крылья, распростертые над континентами (Геродот), солнце и луна в когтях сокола (МНТ), могущественный дракон, представитель неземных стихий («Манас»). Через сновидение выражается воля бога или божеств и выбор ими какого-то человека для исполнения этой воли. Власть в данных сюжетах предстает как одна из главных ценностей, способствующая исполнению божественной воли. Общим также является мотив непреложности исполнения пророчества: безусловная вера персонажей сюжета в реальность сна. Сон воспринимается как свидетельство, как доказательство. Ведь именно на основании сна Кир говорит Гистаспу: *«Сын твой уличен в кознях против меня и моей державы»,* а Гистаспе *«возвратился в Персию, чтобы [...] схватить и держать сына под стражей».*¹⁴ Пророческое сновидение исполняется: Кир погибает в битве с массагетами, сын Гистаспа — Дарий становится царем.

В.В. Струве писал, что Геродот использовал легенду, объясняющую поражение Кира не военно-политическими факторами, а волей Ахурамазды.¹⁵ В самом деле, Кир следующим образом объясняет, почему он уверен в заговоре Дария против него: *«Сын твой уличен в кознях против меня и моей державы. Мне это точно известно, и я скажу тебе откуда. Боги пекутся обо мне и заранее открывают мне грозящую беду[...] Кир говорил так, полагая, что Дарий имеет против него злой умысел. Однако божество этим сновидением желало лишь открыть, что царь примет смерть»*¹⁶ (выделено мною. — А.Т.).

Указанные мотивы в той или иной мере, представлены в чудесных сновидениях и в других формах пророчества в МНТ. Отличия кажутся, на первый взгляд, не принципиальными. Скажем, автор «МНТ» не говорит, подобно Геродоту, что *«божество сновидением желало [...] открыть ... какие-то обстоятельства».* Смысл вещей снов и предсказаний угадывают сами персонажи. Автор (авторы) остается в пределах «эмпирического», конкретно-осознаваемого мира, рисуя иррациональные мотивы как одну их характеристик сознания персонажей. И действительно, пласт иррационального показывается в тексте МНТ, за редким исключением, только опосредованным через сознание персонажей, через их восприятие, слова и действия.

Посмотрим, как прихотливо вплетено в текст повествования пророчество Хорчи. Оно явно относится к высокому, сакральному пласту повествования: *«Идет этот рыжеватый вол по проторенной дороге вслед за Тэмуджином и ревет-приговаривает: "Небо и Земля сошлись*

¹³ Геродот. История в девяти томах. Пер. и прим. Г.А. Стратановского. - М., 1999. - С. 92.

¹⁴ Там же.

¹⁵ В.В. Струве. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. -Л., 1968.-С. 65.

¹⁶ Геродот. Указ. соч., с. 92.

е согласи: Быть Тэмуджину хозяином страны!». Но тут же происходит снижение, обытовление. Сообщив свое чудесное видение, Хорчи сразу начинает торговаться из-за гонорара: *«Тэмуджин, если ты станешь владыкой, державы, чем же порадуешь меня за то, что предрек это тебе?»* [МНТ, § 121].

Перевод высокого Небесного предзнаменования в житейский, практический аспект, несомненно, усиливает его достоверность как для собеседника, так и для читателей.

Тэмуджин отвечает Хорчи в том же практично-деловом духе: *«Если я и вправду стану владыкой государства, сделаю тебя военном-темником»*: у Тэмужина, видимо, еще остаются какие-то колебания между верой в слова оракула и сомнениями в их истинности. Хотя он внутренне, надо полагать, уверен в своей высокой миссии. Его скепсис и недоверие естественны для человеческой психологии, для здравого смысла, еще раз демонстрируя, что он - не былинно-эпический или мифологический герой, а персонаж достоверной исторической прозы, не понаслышке знающий о капризах фортуны.

Инициативой в этом разговоре владеет Хорчи: *«Он возрази: “Что за радость быть военном-темником после того, как предрек столь великое государственное деяние?... Ладно, так же быть, соглашусь на воина-темника. Но дай мне также право выбрать для себя тридцать самых прекрасных девушек всей стране. И слушай со вниманием все, что я тебе буду говорить!”»* [МНТ, § 121].

Последняя фраза свидетельствует об уверенности Хорчи в своих способностях провидца. Спустя годы, в 1206 г., награждая своих сподвижников, Чингис-хан выделит среди его заслуг именно способность к предвидению будущего. Хан скажет о Хорчи, что тот *«мок со мной в сырости, мерз вместе в холоде», а главное, «еще в [пору моей] безызвестности предчувствовал будущее», став «провидцем-хранителем [моей] судьбы»*. [МНТ, § 207].

Выражением «провидец-хранитель судьбы» мы переводим оборот *нэнг-ту хутуг (нэнт хутаг)*, встречающийся во многих современных вариантах транслитераций и реконструкций текста МНТ.

Выражение *нэнт хутаг* относится, наверное, к числу наиболее каверзных из достаточно большого массива сложностей и загадок МНТ. Д. Цэрэнсодном отмечает, что это выражение из-за трудности перевода некоторыми исследователями или пропускается или дается наугад.¹⁷ Верность наблюдения монгольского ученого могут подтвердить российские читатели «Сокровенного сказания», подготовленного академиком С.А. Козиним: даже в этом, лучшем по сей день, переводе на русский язык опущен этот непростой для интерпретации оборот.

Между тем, это выражение несет в себе значительную смысловую нагрузку. Достаточно сказать, что оно фигурирует в государственном документе - зарлике Чингис-хана, что свидетельствует о том, что оно входило в состав устоявшейся лексики и могло употребляться в официальном языке. Именно этим оборотом, прежде всего, обозначаются заслуги Хорчи перед высшей властью, за которые он удостоивается приятных и лестных наград и полномочий: права на тридцать самых красивых девушек из числа недавно присоединенных

¹⁷ Д. Цэрэнсодном. Указ. соч., 324.

народов, командования туменом и наместничество, с неограниченными полномочиями, на обширной территории в бассейне Иртыша. Кроме того, это выражение, безусловно, относится к религиозной лексике. Словом, правильное прочтение его дает возможность точнее понимать некоторые культурно-религиозные, политико-идеологические и языковые реалии Монголии с древности до XII - начала XIII вв.

Естественно, что ввиду своей сложности, это выражение получило разные варианты толкования у исследователей и переводчиков МНТ. Е. Хэниш,¹⁸ П. Поуха,¹⁹ С. Калужинский²⁰ передают его, с небольшими расхождениями в вариантах, общим смыслом как «*святой покровитель, дух, божество, покровительствующее счастью*». Многозначность рассматриваемого оборота иллюстрирует сложный многословный перевод Мансана: «*алсыг зөгнөх эрхэм дээд өлзий оршулагч мэту*»²¹ - 'словно хранитель высшего благоденствия (счастья), предчувствующий будущее'. Высокого слога избегает в своем художественном переводе Ц. Дамдинсурэн, переводя семантику разбираемого здесь парного выражения из области теологической лексики в бытовую: «*өлзийт нөхөр болжуу*»²² - 'Стал благослоенным (варианты: счастливым, несущим счастье) другом'. Ш. Гаадамба поддерживает трактовку Мансана, предполагая, что слово *нэнт* (*нэнг-ту*) в древности могло обозначать 'способность предвидеть далекое будущее'.²³

Мы пытались в нашем переводе передать общий смысл, объединяющий разыскания разных исследователей МНТ, опираясь также на контекст «пророческих» сюжетов этого сложного, многосоставного памятника XIII в.

Представляется, что трудности перевода здесь связаны не только с проблемами адекватного прочтения китайской иероглифической транскрипции или фонетическими переменами в монгольском и китайском языках за семь-восемь столетий. Вероятно, современные читатели, в том числе и самые проникательные исследователи, не имеют ключа к прочтению самого феномена средневекового прорицания в Монголии. Разброс переводов и толкований говорит, в том числе и о том, что мы имеем дело с весьма сложным явлением.

Понятно, что речь в данном случае идет о прорицаниях, сопряженных с областью религии. Мы полагаем, что здесь можно говорить о связи их с культом Вечного Синего Неба. Вероятнее всего, прорицания были сопряжены с особыми медиативными или какими-то другими способностями, каковыми в окружения Чингис-хана в наибольшей степени обладал, по-видимому, именно Хорчи. Однако такого рода занятия предсказаниями было бы неправильно квалифицировать как шаманизм. Можно, вероятно, говорить об определенном профессионализме прорицателей уровня Хорчи, т.е. об их жреческом статусе.

К слову сказать, Хорчи не возводился в сан *беки*, которого был удостоен Усун-увгун (старец Усун). Это два разных человека, которых С.А. Козин в своем переводе объединил в

¹⁸ E. Haenisch. Idem, p. 95.

¹⁹ P. Poucha. Idem, c. 151.

²⁰ S. Kaluzynski. Tajna Historia Mongolov. Anonimova kronika Mongolska z XIII w. -Warshawa, 1970.-С. 132.

²¹ Шинэ-бэр орчигулуужу тайилбурилагсан «Монгол-ун нигуча тобчийан». - Көкэхота, 1985.-С. 253.

²² Монголын нууц товчоо. Одоогийн монгол хэлээр орчуулсан Ц.Дамдинсурэн. -Улаанбаатор, 1976. - С. 169.

²³ Mongyol-un niguca tobcuyan (Монголын нууц товчоо), с. 379.

один персонаж: «*старец Хорчи-Усун*»,²⁴ ошибка, которой последовали и некоторые другие исследователи «Сокровенного сказания». Не будем здесь приводить все доказательства в пользу нашей точки зрения, хотя это легко сделать на основании текста МНТ. Пока же укажем, что в «Алтан товч» Лувсанданзана те же Хорчи (Хурчи) и Усун-увгун - однозначно разные лица,²⁵ а в «Монголын нууц товчоо» каждый из них удостоивается своих почестей. Усун-увгун получает должность тысячника, звание *бэки* и права ездить в белой одежде на белом коне и занимать почетное место в качестве старшего по возрасту среди борджигидов, к которым принадлежал и род Чингисхана [МНТ, §§ 207, 210, 216]. Страсть же более молодого Хорчи к прекрасному полу неоднократно обыгрывается по тексту МНТ. В частности, Хорчи попадает в плен к хори-туматам, потребовав от них 30 красавиц, несмотря на то, что хори-туматы уже были союзниками. На вырубку ему пришлось снаряжать одну за другой две военные экспедиции [МНТ, § 240-241].

Здесь снова можно говорить о том, что психологические и военно-исторические подробности, будучи сюжетно связанными с эпизодом пророчества, вновь напоминают о нем, усиливают его достоверность, представляя его фактом как обыденной жизни, так и «официальной», государственной истории.

Чудесное предсказание погружено в ткань сюжетно-художественного историографического текста и вместе со всем повествованием служит концептуальной сверхзадаче произведения: показу Чингисхана как человека, воина, политика и государя и вместе с тем сакрализации его образа в качестве избранника Вечного Неба - сына Неба.

С чудесным откровением выступает еще один персонаж - Мухали. Об этом вспоминает Чингис-хан: «*Когда мы остановились в Хорхонок-жибуре, у развесистого дерева, под которым некогда плясала хан Хутула, я вручил слово Мухали, поскольку он воспринял явленное ему откровение Тэнгэрийн заарина - Небесного духа, а также вспомнил [его отца] Гун-гуа. Поэтому, сидя теперь на этом троне, я жажду Мухали и его род до самых отдаленных потомков есего государственным титулом Го-вана*» [МНТ, § 206].

Воздействие на будущее

Сбывшиеся пророчества подтверждаются, как бы документализируются, вторым зарликом-указом Чингис-хана в 1206 г. на общегосударственном хурале у истоков реки Онон, где он торжественно был возведен в ханское достоинство.²⁶ В этом зарлике он награждает своих особо отличившихся сподвижников (в первом указе он назначил 95 командиров-тысячников). Начинается почетный список именами Мэнлик-отца, Боорчи, Мухали, Хорчи, Джорчидаея. Имена же прославленных полководцев, таких, как Хубилай, Зэлмэ, Зэв, Субээдэй и других, стоят позади. Пусть из числа названных первыми, Боорчи, Мухали и Джорчидаея, тоже

²⁴ Сокровенное сказание монголов. Перевод С.А. Козина. - М., 2002. - С. 41 (§ 120). ² Лувсанданзан. Алтан товч. - Улаанбаатор, 1990. - С. 40.

²⁵ Лувсанданзан. Алтан товч. - Улаанбаатор, 1990. - С. 40.

²⁶ Здесь речь идет о всемонгольской инаугурации и фактически о провозглашении монгольского государства. Впервые ханского титула и имени Чингис-хан Тэмуджин удостоивается значительно раньше, в 1189 году (см.: Д. Дамдсүрэн, А. Лувсандэндэв, Мянган жилийн харьцуулсан хуснэг // Орос монгол толь. - 2-р боть. - Улаанбаатор, 1969. - С. 861). Время до 1206 г. прошло в междоусобной борьбе, исход которой фактически и был основной темой прорицаний в МНТ.

имели заметные боевые заслуги, но Хорчи отнюдь не снискал себе воинской славы, попав в плен к подведомственным ему хори-туматам.

Во втором зарликке выделяются скорее не ратные и не полководческие свершения, а деяния особого рода. Мэнлик-отцу ставится в заслугу то, что отговорил Чингис-хана от поездки к Ван-хану и Сэнгуму-анде (побратиму), которые под предлогом свадебного стовора готовили ему западню: *«Если не отговорил бы ты меня. [столкнули бы они] меня в бурную воду, бросили бы меня в красный огонь»* [МНТ, § 204]. Боорчи и Мухали также принесли большую пользу своими советами. Они *«привели меня к этому высокому престолу, поддерживая меня в правильных делах, увещывая меня от ошибок»* [МНТ, § 205].

Далее по порядку воздается Мухали и Хорчи за переданное откровение Небесного духа [МНТ, §§ 206-207]. У следующего - Джорчидаея отмечается воинская доблесть. В сражении с керентами под Хархагзан-элээ, подавив отборные войска неприятеля и прорвавшись в центр их расположения, он *«стрелой поразил румяного Сэнгума, открыв на Вечном Небе врата победы. Не знаю, что было бы с нами, если перанил бы ты Сэнгума?»* - говорит Чингис-хан [МНТ, § 208]. Кэреиты стянулись к месту падения Сэнгума, а войско Чингис-хана смогло оторваться от превосходящих сил противника и впоследствии победило его. Удачный выстрел Джорчидаея напоминает попадание гомеровского Париса в единственно уязвимое место на теле Ахиллеса - пяту. Щека керейтского кронпринца тоже как бы выделяется крупным планом, когда говорится *«румяный Сэнгум»* [МНТ, §§ 171, 208].

Таким образом, Мухали и Хорчи вознаграждены за сбывшиеся пророчества. Мунлик-отец - за прозорливость, вновь Мухали и Боорчи - за способность верно оценивать ситуацию и поправлять Чингис-хана, а Джорчидаея - за поступок, повернувший ход событий в благоприятном направлении. Общим для всех этих деяний является то, что они тем или иным способом воздействовали на будущее, предвосхищая его с помощью Небесного откровения, наития или анализа, либо формируя его решительным поступком.

Не так важно, каков источник знания: оракул ли Небесного духа или человеческая мудрость, главное, что они содействуют исполнению Небесной судьбы Чингис-хана - концептуального сюжета «Сокровенного сказания». Вероятно, поэтому в книге не приводятся гадания и обряды, с помощью которых прояснилось бы будущее ее главного героя. Гадания были бы связаны с обращением к каким-то другим оккультным силам помимо Вечного Неба.

Таким образом, Вечное Небо может реализовать свои цели, *воздействуя на человека через его сознание, не прибегая к чудесам*. Оборвавшаяся упряжь и камень-помеха на пути Тэмуджина в лесной чаще - это не чудеса, а знаки, способ коммуникации. Вечное Небо не является само человеку, подобно библейскому Богу, который представлял Моисею в виде огненного куста. Для общения с человеком существует Тэнгэрийн заарин - Небесный дух, внушающий пророкам или ясновидцам откровения.

Пророк и антипророк

В зарликке 1206 года имя Тэб-тэнгри не упоминается, хотя, согласно Рашид-ад-дину, он тоже предрекал, подобно Хорчи, будущую верховную власть Чингис-хана как исполнение воли Вечного Неба: *«Обычай его был таков, что он раскрывал тайны, предсказывал будущие*

события и говорил: *“Бог со мной беседует, и я посещаю небо!” Он всегда приходил к Чингисхану и говорил: “Бог повелел, чтобы ты был государем мира!” И Чингис-ханово прозвание ему дал он, сказал при этом: “Повелением бога имя твоё должно быть!”».*²⁷

Известно, что «Сокровенное сказание» и «Сборник летописей» содержат много общего материала, что обусловлено, вероятно, общими источниками, к сожалению, не дошедшими до наших дней. Однако в МНТ нет цитируемых выше из хроники Рашид-ад-дина вещей указаний Тэб-тэнгри в беседах с Чингис-ханом. Вероятно, такая информация противоречила бы концепции образа Тэб-тэнгри в первом монгольском письменном памятнике. Ведь иначе пришлось бы как-то мотивировать противоречивость поступков жреца, который то предрекает Чингис-хану господство над миром, то интригует против него, собирая внушительную оппозиционную коалицию. Думается, что неоднозначность и переменчивость, как психологические доминанты, отданы другому образу - Джамухе, а Тэб-тэнгри, напротив, виделся автору (авторам) как цельная фигура, сильная, прежде всего, своей последовательностью и уверенностью.

В «Сокровенном сказании» Тэб-тэнгри показывается скорее не пророком, а как бы антипророком. Его прорицания предваряют драматический раскол в ханской семье: *«Верховные духи объявили [мне] волю Вечного Неба. Одно время державой будет править Тэмуджин. Потом, они изрекли, она перейдешь к Хасару. Если не остережешься Хасара, нельзя поручиться [за твое будущее]»* [МНТ, § 244].

Эти слова вызвали бурю в ханской семье: *«В ту же ночь Чингис-хан вскочил на коня и выехал, чтобы схватить Хасара. Об этом своей матери Оэлуи передали Хучу и Хухочу. Матушка в ту же ночь запрягла белого верблюда в крытую повозку и, проведя в дороге всю ночь, прибыла на рассвете в тот момент, когда Чингис-хан, завязав Хасару рукава и отобрав шапку и пояс, допрашивая его. Увидев мать, Чингис-хан смущенно отошел в сторону. Разгневанная Оэлуи-матушка, выйдя из повозки, освободила Хасара, сама развязав ему рукава и вернув ему шапку и пояс. Едва сдерживая гнев, она села, скрестив ноги, вытаскала груди и, держа их на коленях, спрашивала: “Видите это? Это грудь, которую сосали! Вы — пожиратели, истребители своего рода! Что такого сделала Хасар?”»* (МНТ, § 244).

Этот отрывок как нельзя лучше передает отношение автора (авторов) «Сокровенного сказания» к конфликту Чингис-хан - Тэб-тэнгри - Хасар. В книге фактически замалчиваются притязания Хасара на престол, о которых известно по другим источникам, в частности, по «Сборнику летописей» Рашид-ад-дина, вспомним хотя бы приведенное выше предсказание «мудрого и проникательного старца». Согласно МНТ, в конфликте между братьями виноватым оказывается Тэб-тэнгри. Получается, что последний настолько раздул пламя распри между братьями, что Чингис-хаи *«тайне от матери ... отняли Хасара часть его людей, оставив тому всего 1400 подданных. Узнав об этом, Оэлуи-матушка стала кручиниться и оттого скоро состарилась...»* [МНТ, § 244]. Помимо этого Тэб-тэнгри унижает братьев хана, а потом предъявляет претензии на власть: *«После этого собрались у Тэб-тэнгри на съезд (хуралдан) все девять языков государства...»* [МНТ, § 245]. И даже

²⁷ Рашид-ад-Дин. Указ. соч., с. 167.

после всех этих событий Чингис-хан еще долго не решается предпринять что-то против могущественного жреца. Лишь по наущению своей жены Бортэ-ужин, имевшей большое влияние на него, Чингис-хан все-таки разрешает младшему своему брату Отчигину отомстить за непрестанные обиды, нанесенные Тэб-тэнгри всему ханскому Дому.

Можно предположить, что Чингис-хан не решается бороться с Тэб-тэнгри из-за того, что за жрецом, безусловно, признается связь с Вечным Небом посредством «верховных духов» (хан заарид) [МНТ, § 244]. И в самом деле, предсказания жреца достоверны, подтверждаясь, в частности, конфликтом Чингис-хана с его братом Хасаром. Но в тексте МНТ это выглядит как использование пророчества для манипулирования людьми. Основная же причина, по какой вещий дар Тэб-тэнгри не признается в качестве положительного свойства, состоит в том, что жрец пытается оспорить главное в системе ценностей «Нууц товчоо» - идею Тэнгэрийн заяа - Небесного, Божественного избранничества Чингис-хана.

Создается впечатление, что физическая смерть Тэб-тэнгри не исчерпывает опасности, исходящей от него. Тем самым как бы подтверждается его связанность с внеземными силами. Нужен еще знак от Неба, что кончина его была неизбежной. И такая весть получена: *«У юрты, поставленной над Тэб-тэнгри, закрыли дымник, приперли дверь и выставили снаружи караул. На третью ночь, когда забрезжил рассвет, вдруг открылось отверстие дымника, и исчезло тело Тэб-тэнгри»* [МНТ, § 246].

Пожалуй, это единственное место в МНТ, где о феномене чудесного говорится в прямой авторской передаче. Хотя можно допустить, что здесь излагается официальная версия, которая, как предполагает Д.Цэрэнсодном, сообщалась через специальный публичный зарлиг, объясняющий народу смерть знаменитого жреца.²⁸ Тогда мы имеем дело с косвенной цитатой, и правило говорить о чудесных явлениях через персонажей в определенной мере соблюдается. И действительно, странное исчезновение тела жреца получает подтверждение через свидетельство персонажа, в данном случае, через слова Чингис-хана: *«Тэб-тэнгри пускал в ход руки-ноги на моих братьев, сеял между ними клевету и сплетни. Вот почему он лишился расположения Неба, и Небо забрало его душу и тело»* [МНТ, § 246].

Эти слова Чингис-хана формулируют отношение автора (авторов) «Сокровенного сказания» к фигуре Тэб-тэнгри. Исходя из этой позиции, они как бы замалчивают пророческие способности этого могущественного жреца, которого побаивается сам Чингис-хан, и в то же время рисуют его подстрекателем и потому главным виновником конфликта между Чингис-ханом и Хасаром.

Такое отношение вытекало из задач, стоящих перед повествователями. Они создавали придворную хронику, которая, по определению, не могла представлять в невыгодном свете правящую семью. И здесь удобной фигурой оказался Тэб-тэнгри, представленный в качестве интригана и виновника проблем в семье. При такой трактовке его образа автору (авторам) пришлось опустить и его благоприятные для Чингис-хана пророчества.

²⁸ Д. Цэрэнсодном. Указ. соч., с. 341.

Тэб-тэнгри не годился в качестве жреца-пророка в повествовании, мифологизировавшем Чингис-хана. Это место занимает Хорчи. Тэб-тэнгри был одним из тех искателей удачи, которые надеялись обрести власть через дестабилизацию ситуации. Его усилия были, наверное, одной из последних попыток монгольской элиты противодействовать главной цели жизни Чингис-хана - созданию единого, не раздираемого междоусобными распрями и войнами государства.

Тэб-тэнгри узурпировал власть, пользуясь своими незаурядными качествами, среди которых важную роль играли способность ясновидения и влияние в качестве жреца. Если предсказания вознесли Хорчи, то те же пророчества стали причиной гибели Тэб-тэнгри. Пророчества Хорчи способствовали формированию культа Чингис-хана, в то время как Тэб-тэнгри пытался соперничать с Чингис-ханом.

Таким образом, предсказания будущего в МНТ направлены на то, чтобы мотивировать особую судьбу Чингис-хана. Пророчества образуют свой, в некоторой степени самостоятельный сюжет в обширном религиозно-мифологическом пласте произведения, являясь, в то же время, органичной его частью. В свою очередь, этот религиозно-мифологический пласт играет весьма существенную роль в МНТ как с точки зрения содержания, так и жанрово-композиционных его характеристик.

Религиозно-мифологические мотивы вступают в контрапунктические отношения с историко-хронографическим, бытовым, легендарным, эпическим сюжетами. Все это усложняет содержание и жанровую конструкцию произведения, придавая ему своеобразие и определенную таинственность, заставляющую уже несколько поколений исследователей вновь и вновь обращаться к нему, находя новые подробности.

Predicting the future in «The secret history of the Mongols»

The medieval Mongols used various ways of predicting the future. The analysis of these ways referring to «The Secret History of the Mongols» (SH) is the main subject of this article. The author of the article aims at the topic of analytical forecasts of probable events, prophecies and foresight dreams.

In the SH, Prophecies, given by Everlasting Heaven, are understood as High power, the God. Such inspirations are sent via Tengeriyn zaaryn - Celestial spirit. Special persons perceive these messages. In the SH such personage is Horchi, who predicted the great future of Chinggis Khan in his youth. On the other hand, Teb-tengery is presented as an antipode to Horchi. He used his gift of the prophecy for intrigues against Chinggis Khan and his brothers.

In the decree of 1206 Chinggis Khan gave special rewards to the persons, who dedicated to establish Great Mongolian Empire by predicting the future correctly. Among such persons there were Chinggis Khan's famous supporters such like Horchi, Muhali, Munlik, Sr. and Dzhorchiday. As to the religious-mythological description in the SH, the subject of predicting the future and foresight dreams forms the special plot in the text of the SH.

При поддержке РФНФ (проект 07-04-92310 а/Г)